

Образование самостоятельных полугосударств на северо-востоке, юго-западе, северо-западе и юге Руси приводит к формированию на базе литературы Киевской Руси местных литературных «школ»: Владимиро-Суздальской, Новгородской, Киево-Черниговской, Галицко-Волынской, Полоцко-Смоленской и Турово-Пинской.

Характер и своеобразие этих «школ» проявляется, прежде всего, в летописании и агиографии, прославлявшей местные святыни. Однако через традиции Киева литературы этих областей устанавливали общие связи и продолжали отстаивать идею единства Русской земли.

Вершиной литературы этого периода является «Слово о полку Игореве», созданное в Киево-Черниговской Руси.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

История открытия и опубликования. «Слово о полку Игореве» было открыто собирателем древнерусских рукописей А. И. Мусиным-Пушкиным в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII в.

Для работы над рукописью Мусин-Пушкин привлек ученых А. Ф. Малиновского, Н. Н. Бантыш-Каменского и в качестве консультанта Н. М. Карамзина. Благодаря их труду в 1800 г. был опубликован текст «Слова» с переводом на современный русский язык, вступительной статьей и примечаниями.

В 1812 г. рукописное собрание Мусина-Пушкина погибло в огне московского пожара. В руках исследователей остались лишь печатный текст и выписки, сделанные из рукописи ее первыми издателями.

Изучение «Слова»

Это произведение, по мнению исследователя, «оригинально и самобытно, оно все проникнуто народно-поэтическими элементами».

Итог предшествующему изучению «Слова» подвела трехтомная работа Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887–1889). Барсов показал связь «Слова» с русской летописью, воинскими повестями, оригинальными и переводными; в третьем томе поместил «Лексикологию «Слова» (доведена до буквы М). Собранный исследователем фактический материал, библиография, доведенная до 1885 г., и «Лексикология «Слова» не потеряли до сих пор своего научного значения.

«Слово о полку Игореве» привлекает к себе внимание не только русских исследователей, но и многих ученых – филологов и историков за пределами нашей страны. В конце 30-х – начале 40-х годов вновь возрождается скептическое направление в изучении «Слова». Профессор Сорбонны, известный славист Анре Мазон выступает с рядом статей, а затем монографией «Слово о полку Игореве» (Париж, 1940). Он пытается доказать, что «Слово» является поздней подделкой, созданной на основе «Задонщины».

Капитальное текстологическое исследование «Задонщины», проведенное научными сотрудниками сектора древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР, – «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» (1966) – опровергло мнение о вторичности «Слова» по отношению к «Задонщине».

Среди работ о «Слове» интересны исследования Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники» (1971) и «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972). Выдающийся советский историк рассматривает «Слово» и как поэтическое произведение, и как мудрый политический трактат, и как интересное историческое исследование.

Интерес к «Слову о полку Игореве» не прекращается и по сей день. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи и монографии, появляющиеся о «Слове» как у нас, так и за рубежом.

Итог двухвекового изучения «Слова» подводит фундаментальный коллективный труд

ученых сектора древнерусской литературы Пушкинского дома Российской Академии наук пятитомная «Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (СПб., 1995).

Историческая основа «Слова». В основе сюжета «Слова о полку Игореве» лежат подлинные исторические факты. С 1061 г. юго-восточные границы Киевского государства начинают подвергаться опустошительным набегам степных кочевий ково-половцев. Русские князья в междоусобных войнах сами наводят «поганых» на Русскую землю. В начале XII в. Владимир Мономах совершил ряд крупных походов против половцев, в результате которых враги были отброшены далеко за Дон.

После смерти Мономаха процесс феодального дробления Киевского государства усилился, и половцы начали регулярно совершать набеги на южные и юго-восточные земли Руси. Это заставило южнорусских князей принять срочные меры по борьбе со степными кочевниками. В 1170 г. состоялся съезд князей, на котором Мстислав Изяславич говорил: «*Половцы отнимают Греческий путь (по Днепру), Соляной (по Дону) и Залозный (по Дунаю)*».

Исторические события, связанные с походом и поражением северских князей – Игоря Святославича, его брата Всеволода из Курска, сына Владимира из Путивля и племянника Святослава Ольговича из Рыльска, – и легли в основу «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» было написано между 1185 и 1187 гг. Эти даты устанавливаются на основании самого текста произведения. В «Слове» говорится о переяславльском князе Владимире Глебовиче как о живом, а в 1187 г., по сообщению летописи, он умер.

Игорь Святославич бежал из плена в 1185 г., следовательно, до его возвращения на Русь «Слово» появиться не могло. В 1187 г. вернулся из плена Владимир Игоревич вместе с молодой супругой Кончаковной и маленьким сыном, а «Слово» в заключительной части провозглашает здравицу и в честь этого князя. Этими данными и определяются хронологические рамки написания «Слова о полку Игореве».

Основная идея «Слова» и ее раскрытие в сюжете и композиции. Неизвестный автор создал свое произведение по горячим следам событий. Он считал, что все исторические перипетии и подробности хорошо известны современникам. Задача автора состояла в том, чтобы дать политическую и художественную оценку событию, показать своим современникам, какое значение имеет неудача Игоревых походов для исторической судьбы всей Русской земли.

В факте поражения русских войск на Каяле автор «Слова» увидел не проявление Божьего гнева, покаравшего Игоря за грехи его – расправу с жителями взятого им на щит города Глебова, а проявление страшного зла феодальной раздробленности, отсутствие единения между князьями, несоблюдение вассалами своих обязательств по отношению к сюзерену – великому князю киевскому, проявление эгоистической политики князей, жаждущих личной славы. Это привело к тому, что для Руси настала «*невеселая година*», когда князья начали про малое «*се великое молвити*», а «*поганые*» начали с победами приходить на Русскую землю и взимать дань по белке со двора.

Поражение Игоря вызывает глубокое раздумье поэта-гражданина, патриота о судьбах Русской земли, и основная идея «Слова» – это страстный призыв русских князей к единению. Эта идея получает четкое воплощение во всей художественной структуре произведения, и, прежде всего в его сюжете и композиции.

Поражение русских войск составляет кульминацию сюжета. Автор показывает, какие тягостные последствия это поражение имело для всей Русской земли. Он подчеркивает, что в результате разгрома Игоревых войск сведены на нет успехи коалиционного похода киевского князя Святослава против половцев.

Символом единой Русской земли является Киев и великий киевский князь. Поэтому

действие «Слова» переносится в столицу Русской земли.

Публицистическое обращение автора к князьям сменяется лирическим плачем жены Игоря Ярославны, являющимся важным звеном в дальнейшем развитии сюжета; он предвещает развязку – бегство Игоря из плена. Игорь возвращается в Киев (по летописной повести, Игорь сначала пришел в Новгород-Северский) и тем самым как бы признает свою вину – нарушение обязательств перед сюзереном, перед Русской землей. Завершается «Слово» провозглашением «славы» в честь князей – Игоря, Всеволода, Владимира Игоревича и их дружины.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» не дает последовательного рассказа о походе и даже отступает от ряда исторических фактов. Автор берет лишь самые значительные эпизоды, которые позволяют ему ярче высказать свое отношение к событиям, донести до своих слушателей основную идею. Именно гражданская патриотическая идея прочно цементирует в единое художественное целое все части произведения. Четкость политической мысли, лирическая взволнованность, публицистическая страстность, широта исторического мышления, высокая художественность – все это делает «Слово о полку Игореве» «прекрасным благоухающим цветком славянской народной поэзии, достойным внимания, памяти и уважения».

Исторический фон в «Слове»

Автор «Слова» всегда стремится оценить современные ему события в историческом плане, сравнивая настоящее с прошлым, *«свивая славы оба полы времени»*.

Автор «Слова» устанавливает свою поэтическую и довольно четкую периодизацию истории родной земли: *«века Трояна»* – это период далекого языческого прошлого; он сменяется периодом расцвета при Владимире и годами княжения его сына Ярослава, после смерти которого начался период княжеских раздоров и крамол, продолжающийся до *«нынешняго Игоря»*.

Источником исторических сведений, очевидно, служила для автора «Слова» «Повесть временных лет» и народный исторический эпос. Однако, используя факты летописи, автор «Слова» никогда не дает им религиозно-моралистической трактовки, а оценивает их с точки зрения народных интересов. Цель исторических отступлений, к которым прибегает автор «Слова», – напомнить своим современникам, потомкам злосчастного Всеслава и крамольника Олега, к чему приводят раздоры, и призвать к установлению прочного княжеского союза для совместной борьбы с врагами Русской земли.

Для того чтобы лучше понять и объяснить настоящее, автор «Слова» прибегает к воссозданию картин прошлого. При этом он исторически пытается объяснить также поступки половцев.

Таким образом, автор «Слова» рассматривает каждое современное ему событие в исторической перспективе, дает поэтическое обобщение истории Русского государства XI–XII вв.

Изображение князей

Большое место в «Слове» отводится изображению поступков Игоря и Всеволода – основных участников похода (о Владимире Игоревиче упоминается лишь в конце, в здравнице, а имя Олега Святославича опущено). Автор симпатизирует своим героям и видит в них лучших представителей современного ему поколения князей.

Прославлению князей служат и образы-символы «солнца», «света», «соколов», которые даны в резком контрасте с «тьмой», «тучами», «галками», «черным вороном» – символами врагов-половцев.

Деятельность князей в «Слове» оценивается с народных позиций. Игорь и Всеволод осуждаются за жажду личной славы.

Автор «Слова» подчеркивает, что поражение русских войск на Каяле принесло огромный ущерб не только северским князьям, но и всей Русской земле, обратив *«на ниче ся*

години». Поэтому Игоря, пересевшего из золотого седла в седло раба, и проклинают немцы и венецианцы, греки и моравы.

За стремление к личной славе автор «Слова» осуждает Игоря и Всеволода. Обуреваемые жаждой личной славы, они сказали: *«Мужаиме ся сами: переднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!»* Нельзя ставить личную княжескую честь и славу выше чести и славы Русской земли, говорит поэт-гражданин. Поэтому он и заставляет бежавшего из плена Игоря идти сразу в Киев, т. е. признать свою вину перед Русской землей. Всем ходом изложения событий, их оценкой автор призывает князей к неукоснительному исполнению своих вассальных обязательств перед великим киевским князем, в котором воплощается честь и слава всей Русской земли.

В то же время автор глубоко сочувствует северским князьям. Вместе с русской природой, русскими женами, Ярославной поэт выражает свои чувства жалости и скорби по поводу поражения Игоря, Всеволода и их храбрых полков. Вместе с киевским князем Святославом автор не может допустить, чтобы находящийся *«в мытех»* сокол дал свое гнездо в обиду, и для поэта-гражданина *«раны Игоревы»* становятся символом сплочения всех сил Русской земли для борьбы с внешними врагами.

Так автор «Слова» в своем обращении к князьям оценивает возможности каждого княжества и, призывая князей сплотить свои силы вокруг Киева и Русской земли, вовсе не выдвигает задачи создания централизованного государства, а лишь стоит за строгое соблюдение уже утраченных норм феодальных отношений, верности вассалов своему сюзеру – великому князю киевскому.

Значительной художественной победой автора «Слова» является созданный им обаятельный образ русской женщины – верной подруги своего мужа, Ярославны. В ее образе обобщены лучшие черты характера древнерусской женщины. Автору чужд религиозно-аскетический взгляд на женщину. Нет, женщина не «сосуд дьявола», не источник всех бед и несчастий мужчины, как учила церковь, а верная и преданная помощница, горячо любящая своего «ладу» и силой своей любви помогающая ему вернуться из плена. В своем лирическом плаче-заклинании, своеобразном заговоре, языческой молитве, Ярославна обращает думы свои не только к мужу, но и к его воинам. Ее скорбь о поражении Игоря – это скорбь всех жен и матерей русских, обобщенных в едином образе, прекрасном и величественном!

Изображение природы

Самостоятельным героем «Слова» выступает русская природа. Автору поэмы присуще народно-поэтическое восприятие мира. Природа в «Слове» как бы живет самостоятельной жизнью и в то же время служит художественным авторским комментарием к происходящему. С устной народной поэзией связан в «Слове» прием олицетворения сил природы. Автор поэмы – христианин, но христианские воззрения остаются за пределами поэзии. Языческие представления еще обладают для него определенной эстетической ценностью. Поэтому в «Слове» широко представлен языческий мифологический элемент.

Перед выступлением Игоря в поход природа предупреждает русские войска о грозящей им опасности: *«Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди, свист зверин въста: збися Див, кличет врѣху древа... Вльци грозу въсрочат по яругам; орли клетом на кости звери зовут; лисицы брешут на чръленья щиты».*

К природе обращается Ярославна, чтобы развеять свою скорбь и в то же время заставить *«светлое и тресветлое»* Солнце, Ветер и Днепр Словутич помочь Игорю вырваться из ненавистного плена.

В связи с этим плач Ярославны как бы несет на себе функцию магического заклинания сил природы. Любовь русской женщины торжествует, она заставляет эти враждебные при выступлении Игоря в поход и битве его войск силы служить милому «ладу». Ласковую беседу ведет с Игорем Донец, прославляя и оправдывая героя: *«Княже Игорю! Не мало ти*

величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Он лелеет князя на своих волнах, подстилая ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает теплыми туманами под сенью деревьев.

Образ русской земли

К служению интересам Русской земли, а не корыстным, личным призывает князей автор «Слова». Русская земля, ее народ – *«Даждьбожьи внуки»* – являются основным героем «Слова». Во имя интересов родины, народа звучит вдохновенный и страстный голос поэта. Он представляет себе Русскую землю во всей сложности политической борьбы того времени, осмысляет ее судьбу в широкой исторической перспективе. Его глубоко волнуют честь и слава родины. Вот почему поражение Игоря воспринимается как страшное оскорбление всей Русской земли. И эту авторскую мысль ярко раскрывает поэтический образ Девы Обиды, которая встает в силах *«Даждьбожа внука»*, т. е. русского народа.

Русская земля в «Слове о полку Игореве» – это не только Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский, Путивль и Курск, как считают некоторые исследователи, но и Великий Новгород, Владимир и Суздаль, Рязань, Полоцк и Городенск, Смоленск, Туров и Пинск, Галич и Владимир-Волынский, Луцк и Перемышль. И даже находящийся под властью половцев далекий Тмутаракань мыслится автором как часть Русской земли. Ее широкие пространства ограничены с юга морем и Дунаем, с запада – горами Угорскими (Карпатами) и Западной Двиной, с северо-востока – Волгой, с востока – Донцом и Великим Доном, с юго-востока – Сулой.

Образ Бояна

В представлении автора «Слова» Боян – идеальный певец. Он вещий внук бога Белеса, т. е. человек, обладающий божественной силой песнопенья. Его песни подобны трелям соловьиным. Слагая славу князю, Боян растекается *«мысию по древу, серым вълком по земли, сизым орлом под облакы»*, т. е. речь его образна, мысль его парит.

Жанровые особенности и стиль «Слова». На типологическую связь художественной структуры «Слова о полку Игореве» с жанром ораторского красноречия обратил внимание И. П. Еремин. Оно состоит из трех частей: вступления, повествования и эпилога – и обращено к слушателям – *«братии»*, к которым автор постоянно апеллирует, пользуясь риторическими вопросами и восклицаниями.

В «Слове» рассказ распадается на ряд эпизодов, что присуще и житию, и исторической повести. Однако здесь перед нами иной тип автора – не агиограф, не историк-летописец, а поэт, *«вития»* – публицист. Он называет свое произведение «повестью» (в значении правдивого исторического рассказа) и «песней». Ее он противопоставляет не только песням *«песнотворца старого времени»* Бояна, его *«замышлениям»*, но и *«новым песням»* – благочестивым христианским гимнам – молитвословиям.

Д. С. Лихачев показал, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра – «слава» и «плач» – прославление князей и оплакивание печальных событий.

Прием олицетворения природы всецело связан с устной поэтической традицией, как и замечательный, исполненный глубокого лиризма плач Ярославны.

«Слово» написано не стихами, но вместе с тем его ритмический строй находится в органическом единстве с содержанием. Но, по-видимому, «Слово» не пелось, а произносилось в качестве публицистической художественной речи. Его автор синтезировал песенный жанр дружинной поэзии, уходящий в прошлое, с книжной традицией. Опираясь на традиции устного дружинного и народного эпоса, хорошо зная произведения светской исторической оригинальной и переводной литературы, церковной письменности, гениальный неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве» создал оригинальное по форме и содержанию произведение, проникнутое глубоким лиризмом, публицистическим патриотическим пафосом, эпической широтой.

Проблема автора. Кто был автором «Слова о полку Игореве»? Установить имя

создателя гениального произведения до сих пор не удалось, хотя автор постоянно заявляет о себе в «Слове», четко высказывает свои политические симпатии и антипатии, обнаруживает широкую осведомленность в событиях своего времени и прошлого, говорит о своих эстетических представлениях.

Значение «Слова о полку Игореве». Политическая злободневность, высокохудожественная народная форма выражения обеспечили «Слову о полку Игореве» бессмертие в веках. Оно было популярно среди современников и оказало влияние на последующее развитие нашей литературы. К «Слову» обратился автор «Задонщины», прославляя победу русского народа на поле Куликовом.

Новую жизнь обрело «Слово» в годы Великой Отечественной войны. Украинский писатель О. Гончар трилогию «Знаменосцы» открывает эпитафией из «Слова о полку Игореве».

В середине XIII столетия Русская земля подверглась нашествию монголов. Страшные полчища степных кочевников, объединенные Темучином – Чингиз-ханом, двинулись с Востока на Запад. В течение трех лет, с 1237 по 1240 г., русский народ вел мужественную борьбу с неисчислимыми силами врагов. Феодалная раздробленность Руси способствовала успеху завоевателей.

События, связанные с монголо-татарским нашествием, получили широкое отражение в литературе той поры.

«Повесть о приходе Батыя на Рязань». В 1237 г. основные силы Золотой Орды во главе с преемником Чингиз-хана Бату-ханом (Батыем) подошли к границам северо-восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли Рязани, а затем был разгромлен Владимир.

События, связанные с героической защитой русским народом своей земли, получили яркое художественное отражение в «Повести и приходе Батыя на Рязань». Повесть дошла в составе летописных сводов XVI в. в тесной связи с циклом повестей о Николе Заразском. Она прославляет мужество и героизм защитников Рязани: князя Юрия Ингоревича, его братьев Давыда и Глеба и рязанской дружины – *«удальцов-резвецов – достояния рязанского»*, славного богатыря Евпатия Коловрата. Причину поражения рязанцев автор усматривает в феодалной обособленности русских княжеств, в эгоистической политике князей. Тщетно Юрий Ингоревич взывает к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу – последний отказывается в помощи рязанцам, он решает самостоятельно бороться с Батыем.

«Повесть о приходе Батыя на Рязань» состоит из четырех частей: 1. Появление Батыя на границах Рязанской земли, посольство рязанцев к Батыею во главе с князем Федором, гибель Федора и его жены Евпраксии. 2. Героическая защита Рязани Юрием Ингоревичем, гибель защитников и разорение Батыем Рязани. 3. Подвиг Евпатия Коловрата. 4. Обновление Рязани Ингварем Ингоревичем.

Героями первой части повести выступают сын Юрия Ингоревича рязанского князь Федор и его молодая супруга Евпраксия. Федор отправляется к царю Батыею во главе посольства. Он бесстрашно вступает за честь не только своей супруги, но и всех рязанских жен.

Гордый ответ русского князя вызывает ярость Батыя. По приказанию хана Федор и все посольство перебиты.

Горестная весть поражает молодую жену Федора княгиню Евпраксию. Она, стоя в превысоком своем тереме с малолетним сыном Иваном на руках, *«...услыша таковыя смертоносный глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на средю земли, и заразися (разбилась.– В. К.) до смерти»*. Так лаконично прославляется подвиг верности, мужества, силы супружеской любви русской женщины.

Первая часть повести завершается горестным плачем Юрия Ингоревича и всех рязанцев.

Вторая часть прославляет мужество и героизм рязанской дружины и ее князя Юрия Ингоревича. Он воодушевляет дружину мужественной речью: *«Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святых божия церкви, и за веру христьянскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингоря Святославича».*

В этой речи героический мотив сочетается с религиозным призывом умереть «за божий церкви» и веру христианскую. Перед боем Юрий, как и подобает благочестивому человеку, молится Богу, принимает благословение епископа.

Центральным эпизодом второй части является гиперболическое описание битвы. Русский воин один бьется *«с тысящей, а два – со тмою»*, потрясая мужеством врагов. Причинив им существенный урон, рязанцы гибнут: *«...еси равно умроша и едину чашу смертную пиша».*

Изображение разорения города исполнено в повести большого драматизма: *И не оста во граде ни един живых: еси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но еси вкупе мертвы лежаща».*

Третья часть посвящена прославлению подвига Евпатия Коловрата. Это эпический герой под стать богатырям русских былин. Он наделен гиперболической силой, мужеством и отвагой. Он живое олицетворение героического подвига всего русского народа, который не может мириться с поработителями и стремится отомстить за поруганную врагом землю. Основное внимание уделено изображению поведения Евпатия в бою, на его подвиг переносится подвиг всей дружины. Он бесстрашно разъезжает по ордынским полкам и бьет их нещадно – так, что его острый меч притупился. Самого Батыя охватывает страх, и он посылает против Евпатия своего шурина богатыря Хостоврула (типично эпическая былинная ситуация).

В поединке одерживает победу Евпатий. Он *«исполин силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начата сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил, ових на полы пресекаше, а иных до седла крояше».*

Охваченные страхом монголы вынуждены применить против русского богатыря «пороки» (стенбитные орудия): *«...и начаша бити по нем с сточисленных пороков и едва убиша его...»*

Когда тело Евпатия приносят к Батыю, хан *«начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству»* Евпатия. Батый воздает должное своему врагу: *«О Коловрате Еупатие, гораздо еси меня подцивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такой служил, – держал бых его против сердца своего».*

Под стать Евпатию и его храбрые дружинники. Когда кочевникам удалось захватить в плен пятерых воинов, изнемогавших от ран, те с иронией и сознанием морального превосходства отвечают Батыю: *«Веры христьянские есве, раби великого князя Юрья Ингоревича Резанского, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя, силна царя, почтити и честна проводитьи и честь тебе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаши на великую силу – рать татарьскую».*

В этом ответе обнаруживается отзвук былевого народного эпоса (ср. разговор Ильи с Калином царем).

Последняя, заключительная, часть повести начинается эмоциональным плачем князя Ингваря Ингоревича, созданным по всем правилам книжной риторики. Он горестно оплакивает убитых, *«яко труба рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающии».*

Повесть заканчивается рассказом о возрождении и обновлении русскими людьми испепеленной врагом Рязани, вследствие чего *«бысть радость христьянам...».* Эта концовка

свидетельствует об оптимизме, жизнестойкости русского народа, его неколебимой вере в возможность избавления от монголо-татарского ига.

Все произведение представляет собой образец воинской повести, которая вобрала в себя значительные элементы фольклора. Повесть не всегда точна в передаче исторических фактов (сообщается об участии в битве Всеволода Пронского – умер ранее 1237 г.; о гибели в бою Олега Красного, хотя он остался жив), но она верно передает настроение общества того времени и отличается живостью, яркостью и драматизмом повествования.

Более лаконичен и менее образен рассказ летописи о взятии Батыем Владимира в 1238 г. и битве на реке Сити с князем Юрием Всеволодовичем, павшим в этом бою.

Выразителен краткий летописный рассказ об осаде Козельска. Жители этого города в течение семи недель выдерживали осаду, и враги прозвали за это Козельск *«злым городом»*. Овладев им, завоеватели жестоко расправились с его жителями.

«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

«Житие Александра Невского», написанное вскоре после смерти князя (ум. в 1263 г.), создает идеальный образ правителя, защитника своего отечества от военных и идеологических посягательств внешних врагов. Оно не укладывается в каноны житийной литературы, и это понимали древнерусские книжники, внесшие его прежде всего в состав летописей (первая редакция жития вошла в состав Лаврентьевской и Второй Псковской летописей), и только в XVI в. оно вошло в «Великие Четьи-Минеи» Макария и «Пролог».

Само заглавие произведения дает определение его специфики: *«Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра»* – рассказ о жизни, главным содержанием которой явились подвиги *«храбрости»*. Основу жития Александра Невского составляют две воинские повести о битве на Неве и на Чудском озере.

Врагом Русской земли выступает в житии *«король части Римьскыя от полунощныя страны»*; тем самым автор подчеркивает, что русскому православному князю предстоит вступить в борьбу с римско-католическим западным миром, ставящим целью захват *«земли Александровой»*. Враг преисполнен уверенности в своих силах: *«в силе тяжце»*, *«пыхая духом ратным»*, *«шатався безумием»*, *«загордевся»* шлет он послов к Александру со словами: *«Аще можеша противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою»*. Типологически данный эпизод близок эпосу, *«Девгениеву деянию»*, *«Александрши»*.

«Разгоресея сердцем», Александр укрепляет свой дух молитвой, поступая, как подобает благочестивому князю. Он обвиняет врага в нарушении заповеди божией, повелевающей *«жити не престающе в чюжую часть»*. Уверенный в правоте своей борьбы, Александр воодушевляет войска и с *«малой дружиной»* устремляется на врагов. В бой он идет с верой *«к святыма мученикома Борису и Глебу»*. Так мотивируется в житии видение старейшины земли Ижорской Пелгуя: на утренней заре он видит плывущих в насаде Бориса и Глеба, спешащих на помощь *«сроднику своему князю Александру»*.

Подробно описывается в житии ход сражения 15 июля 1240 г., большое внимание уделяется подвигам Александра и его храбрым *«шести мужам»* – богатырским ратникам. Сам Александр проявляет необычайное мужество и бесстрашие в бою, он *«возложи печать на лица шведского короля острым своим копием»*. Мужеством и храбростью отличались *«мужи»* Александровы: Гаврило Алексич по единой доске въехал на коне на вражеский корабль и избил бесчисленное множество врагов, его столкнули в воду, но он выплыл [это был знаменитый предок А. С. Пушкина Радча (Радша)]; молодой новгородец Савва подрубил столб златоверхого шатра шведского короля, и падение шатра вызвало ликование в русском стане; Ратмир в пешем строю мужественно бился с врагами и скончался от ран на поле боя; Сбыслав Якунович рубился с врагами *«единым топорном, не имеяша страха в сердце своем»*. Ловчий князя Яков Полочанин наехал с мечом на полк. Миша в пешем бою с дружиной *«погуби три корабли римлян»*. При этом сообщается, что о подвигах этих славных

«*мужей*» автор слышал от «*своего господина*» Александра Ярославича.

Битва на Чудском озере с немецкими рыцарями 5 апреля 1242 г. изображена в традиционной стилистической манере воинских повестей: «*Бе же тогда субота въсходящую солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла и труск от копий ломления и звук от сечения мечнаго, яко же и озеру померзъшию двигнутися; и не бе видети леду: покры бо ся кровию*».

Ссылаясь на «*самовидца*», автор жития говорит о помощи Александру небесного полка. На самом деле Александр в этой битве проявил незаурядный полководческий талант, разгадав тактический замысел врагов.

Князь возвращается в Псков, ведя подле коней пленных, «*иже именуют себе божий ритори*». Победа приносит Александру, подчеркивает житие, всемирную славу: «*Иначе слыти имя его по всем странам и до моря Египетскаго и до гор Араратских и обону страну моря Варяжьскаго и до великого Риму*».

О других воинских подвигах Александра житие сообщает кратко: «*единым выездом*» он побеждает 7 ратей «*языка Литовьскаго*».

Много места отводится в житии взаимоотношениям Александра с Ордой. «*Царь силен на Вьсточней стране*» шлет русскому князю своих послов, и их речь служит своеобразным оправданием поездки Александра в Орду. «*В силе велице*» он приходит во Владимир: «*И бысть грозен приезд его, и промчеша весть его и до устья Волги. И начаша жены моавитьскыя (татарские) полошати (устрашать) дети своя, ркуще: «Александр едет!»*

Обдумав и получив благословение епископа, Александр идет в Орду. Как ведет себя там князь, житие умалчивает, отмечая только удивление Батгя: «*Истинну ми сказасте, яко несть подобна сему князю*».

Если Александру Батый воздает честь, то по отношению к его меньшему брату проявляет гнев. Причины гнева автор не указывает и лишь отмечает, что его проявлением было пленение Суздальской земли ордынским воеводой Неврюем. Это дает повод автору жития прославить Александра – идеального правителя, который «*церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыя собра в дома своя*».

Прославлению Александра – защитника православия – посвящен в житии рассказ о приходе на Русь папских послов. Александр отвергает их предложение принять католичество, и в этом автор жития видит торжество национальной политики русского князя.

Лаконично сообщает житие о насилиях врага и вторичном хождении князя в Орду, дабы «*отмолити людии и от беды тоя*», т. е. от участия русских воинов в походах татарских войск.

Завершается житие сказанием о смерти Александра (он был отравлен в Орде) в Городце и его погребении во Владимире. Народ оплакивает любимого князя, «*яко земли потрястися*». Обращаясь к народу, митрополит Кирилл говорит: «*Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской!*» – «*Уже погыбаемь!*» – ответила толпа. В агиографической традиции описано посмертное чудо Александра: подобно Алексею (под именем Алексея Александр перед смертью был пострижен в схиму), божьему человеку, он протягивает руку из гроба и берет «*прощальную грамоту*» у митрополита.

Характерной особенностью жития является постоянное присутствие автора-рассказчика. Он спешит заявить о своем смирении во вступлении к житию. Сам он «*самовидец... возраста его*», «*домочадец*», об Александре он также слышал «*от отец своих*». Его присутствие постоянно ощущается в отборе и интерпретации материала. Александр в изображении автора является средоточием лучших качеств прославленных героев ветхозаветной истории: красота лица его подобна красоте Иосифа, сила – часть силы Самсона, премудрость – Соломона, а храбрость – римского царя Веспасиана. Так с помощью ретроспективной исторической аналогии житие прославляет красоту, силу, мудрость и храбрость Александра. Интересно, что среди этих качеств не нашлось места христианским добродетелям – кротости и смирению.

Автор восхищается героем, гордится им, сочувствует ему. Эмоциональное напряжение достигает высшей точки в конце жития: *«О, горе тебе, бедный человек! Как же можешь написать кончину господина своего! Как не упадет ли зеница вместе с слезами! Как же не урвется сердце твое от кореня!»* Он гиперболизирует чувство скорби и горя: *«Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, и в гроб бы лезл с ним!»*

Таким образом, «Житие Александра Невского» обнаруживает тесную связь, как с агиографической литературой, так и с воинскими повестями. Его автором был житель Галицко-Волынской Руси, переселившийся вместе с митрополитом Кириллом III во Владимир. Исследователи установили связь стиля жития с Галицкой летописью, «Девгениевым деянием», «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Сказанием о Борисе и Глебе» и паремийным чтением.

«Житие Александра Невского» становится образцом позднейших княжеских жизнеописаний, в частности жития Дмитрия Донского. Имя Александра Невского пользуется популярностью в Московском государстве. Он оказывает помощь (уже в качестве святого патрона Русской земли) Дмитрию Донскому в победе над монголо-татарскими завоевателями, Ивану Грозному при осаде Казани, а Петр I делает Александра Невского патроном Петербурга.